

The image is a composite graphic. In the upper right, there is a black and white portrait of a middle-aged man with dark hair, wearing a suit and tie, looking slightly to the left. In the upper left, a film strip is shown looping around a frame. The background is a light, textured surface. At the bottom, the mechanical parts of a vintage typewriter are visible, including the carriage and the typebars.

Сергей
Соловьев

Те, с которыми я...

Вячеслав Тихонов

Те, с которыми я...

Сергей Соловьев

Те, с которыми я...
Вячеслав Тихонов

ТД "Белый город"

2016

УДК 7.071.2
ББК 85.374

Соловьев С. А.

Те, с которыми я... Вячеслав Тихонов / С. А. Соловьев —
ТД "Белый город", 2016 — (Те, с которыми я...)

ISBN 978-5-9067-2671-1

Имя Вячеслава Васильевича Тихонова – великого советского и российского актера – навсегда вписано в историю отечественного кино. Вдвойне счастливы те, кому посчастливилось общаться с легендарным актером лично. Книга известного кинорежиссера Сергея Александровича Соловьева, созданная по мотивам его фильма о Вячеславе Тихонове из цикла «Те, с которыми я...» для телеканала «Культура», пронизана трепетным отношением к выдающимся современникам, с которыми автора сводила судьба на съемочной площадке и за ее пределами. Его словесные портреты выдающихся мастеров экрана лишены банальных черт, общеизвестных фактов, они согреты неповторимой личностной интонацией автора, который рассказывает о своих коллегах по искусству свободно, раскованно, иронично, но и нежно, с массой ярких деталей и подробностей, известных только ему. Книга дополнена также фильмографией артиста, списком наград и званий.

УДК 7.071.2
ББК 85.374

ISBN 978-5-9067-2671-1

© Соловьев С. А., 2016
© ТД "Белый город", 2016

Содержание

От издательства	7
Сергей Соловьев о Вячеславе Тихонове	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Александрович Соловьев

Те, с которыми я... Вячеслав Тихонов

© Соловьев С.А., 2016

© Государственный центральный музей кино. Фото, 2016

© ООО ТД «Белый город», дизайн обложки и макет, 2016

* * *

От издательства

Мы не случайно начинаем этот большой проект в 2016 году, объявленном президентом Российской Федерации Годом российского кино. Золотой фонд советского и российского кино является одним из ключевых пластов в нашей истории и культуре. Даже в тяжелые для России времена, в военный период или в сложные годы перестройки, великие артисты, режиссеры, сценаристы, писатели и художники – деятели культуры, которыми так богата наша большая страна, продолжали создавать свои произведения, творить на благо нашей страны.

Коллектив издательства заинтересован в том, чтобы и современная аудитория, и наше будущее поколение могло бы знакомиться с жизнью и творчеством великих людей, которые внесли свой весомый вклад в русскую культуру и искусство.

Одним из ярких представителей кинематографических деятелей является Сергей Александрович Соловьев – не только выдающийся сценарист и кинорежиссер, фильмы которого стали классикой отечественного экрана, но и яркий просветитель-телеведущий, вдумчивый педагог. Наконец, он еще и самобытный «кинематографический писатель», памятный мемуарист. Его авторский цикл «Те, с которыми я...» для телеканала «Культура» создан с подкупающей искренностью, он пронизан трепетным отношением к выдающимся современникам, с которыми Сергея Соловьева сводила судьба на съемочной площадке и за ее пределами. Его словесные портреты выдающихся мастеров экрана лишены банальных черт, общеизвестных фактов, они согреты неповторимой личностной интонацией автора, который рассказывает о своих коллегах по искусству (в большинстве случаев они являются его друзьями) свободно, раскованно, иронично, но и нежно, с массой ярких деталей и подробностей, которые известны только ему.

На страницах каждой книги этого проекта мы старались передать живую речь Сергея Александровича, отрывки из его диалогов с героями передач, его мысли и воспоминания о моментах, проведенных вместе с ними. Книги написаны ярко и необычно, они как бы пронизаны голосами автора и его героев, погружают читателя в полноценную беседу.

Наши соотечественники за рубежом, которые по стечению различных обстоятельств находятся вдали от своей родины, также любят и помнят прекрасных артистов, на фильмах которых они выросли и которые пересматривают до сих пор. Мы уверены, что этот цикл книг будет востребован у наших соотечественников, у молодого поколения, проживающего в разных странах, которые (что вполне возможно) про некоторых деятелей культуры и искусства могут узнать впервые из этого проекта.

В следующих книгах серии будут представлены и другие яркие представители своей творческой профессии: Александр Абдулов, Станислав Говорухин, Михаил Ульянов, Татьяна Друбич, Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский, Михаил Жванецкий, Юрий Соломин, Исаак Шварц, Марлен Хуциев и многие-многие другие.

Мы надеемся, что эти блестяще написанные книги сохранят память обо всех ныне живущих и тех, кто, к сожалению, уже ушел в другой мир. Память об этих людях – наше бесценное духовное наследие и богатство.

Звезды на крыльях

Сергей Соловьев о Вячеславе Тихонове

Про Вячеслава Васильевича Тихонова мне говорить легко и радостно. Ну, прежде всего потому, что я, сколько вот себя помню, столько я прежде всего восторженный зритель из нормального, обыкновенного советского кинотеатра, который смотрит на экран и видит лицо, которое, как говорят, с молодых ногтей, оказалось мне родным, близким, знакомым и, как ни странно, дорогим. Потому что, будучи еще мало чего соображающим пацаном, я посмотрел фильм «ЧП» и на всю жизнь запомнил, что патриотизм – да? – это вовсе не какое-то такое абстрактное понятие, очень такое с надутыми щеками произносимое: «Я люблю свою родину!». А патриотизм – это жутко веселое и сильное соображение разума, которое помогает тебе остаться человеком, достойным того куска земли, на котором ты родился. Тогда это сделал Вячеслав Васильевич Тихонов в фильме «ЧП». Потому что, когда его пытали какие-то злые азиатские ляхи и говорили: «Ты изменишь родине? Ты изменишь родине?» – он говорил: «Да, изменю, изменю. Я уже изменил». Но при этом он вот так вот складывал пальцы. И все люди, зрители советские, миллионы советских зрителей, знали, что дело не в словах, изменил ты там родине или ты ее с утра до ночи обожаешь, беспрерывно стучась головой в стену в знак верности. Говорить ты можешь все, что угодно, но ты должен помнить, что когда ты говоришь вот так, скрестя пальцы, все должны понимать, – все, посвященные в эту патриотическую тайну твоей родины, – все должны понимать, что если пальцы так и ты чего-нибудь говоришь, значит не совсем то, что от тебя хотят услышать, то ты вре-е-ешь. И мы все, так называемые патриоты нашей земли, – не так называемые, а реальные патриоты нашей земли, – мы знаем, что жизнь так сложно устроена, так она непроста, что никакими словами нельзя выразить ее сложность элементарными словами: «Ах, как я люблю свою родину! Ах, как мне хотелось бы получить деньги от новых менеджеров на фильм, в котором я патриотическую тему бы развил». Да не нужно ни денег, ни менеджеров, не нужно вообще никаких слов, нужно просто, чтобы это стало частью твоей жизни, частью твоей души и чтобы ты вошел в круг посвященных. А круг посвященных – это нормальные люди, живущие по всей огромной территории России, это круг посвященных. И среди этих посвященных вот таким веселым, с ненадутыми щеками, без всякой суровости, так сказать, в лице, оказался молодой артист изумительного обаяния. То есть вся эта огромнейшая Россия была влюблена в этого веселого лжеца, в этого очень правдивого, очень сердечного и очень честного человека, которого сыграл Вячеслав Васильевич Тихонов. Вот это было первое знакомство. Я еще ни о каком кино и не думал. Я не думал даже о том, что я когда-нибудь буду кинорежиссером. Я думал только о том, что как же здорово, что здесь, вот в этой вот России, патриотические чувства, которые я должен испытывать по ранжиру, по букварю, по всему, существуют такие люди, когда ты вдруг начинаешь испытывать любовь к своей отчизне в силу того, что тебе нравится это, нравится. Не то что ты хочешь понравиться, там, Путину или менеджерам, а тебе нравится это – быть патриотом. Потому что вот такие люди, вот такие люди существуют.

Дело было в Пенькове

* * *

Потом я, тоже мальчишкой, увидел картину Станислава Ростоцкого «Дело было в Пенькове». И вот, казалось бы, ну да... Во-первых, это нужно отметить, что это была первая картина ну настоящего, большого, необыкновенно красивого и нежного творческого союза Станислава Иосифовича Ростоцкого и Вячеслава Васильевича Тихонова. А Ростоцкий еще в институте говорил: «Слава, ты великая звезда. Вот дождемся момента, когда я начну тебя снимать, и это увидят все». И вот Вячеслав Васильевич с той же невероятной убедительностью и отсутствием каких бы то ни было лишних слов сыграл такое тончайшее и сложнейшее понятие, как любовь. И в этом сложнейшем понятии это слово, волшебное слово «любовь», вступило в колоссальное противоречие, естественное противоречие, которым вся великая литература занималась весь XIX век, когда любовь входит в противоречие с понятием «долг», «должен», с понятием «верность». И вот этот сложнейший клубок, который разматывал, там, со страшной сложностью и страшно сложными переживаниями Федор Михайлович Достоевский, с какой-то нежной и ясной простотой сыграл, потому что понимал, что играет, Вячеслав Васильевич Тихонов. Его уже тогда можно было, по честности, считать великим русским актером. Постольку, поскольку когда он возвращается из тюрьмы домой, видит ребенка, и видит ту жену свою, из-за которой он как бы попал в тюрьму, изломал жизнь, и видит собственного ребенка, и вдруг кидает шапку в небо от счастья. От счастья чего? От счастья того, что он пережил то, что Бог ему дал пережить. Пережил и выжил. И это одна из главных таких, сердечных и главных тем, которые сыграл актер Вячеслав Васильевич Тихонов.

Дело было в Пенькове

* * *

Следующая картина «На семи ветрах» тоже на меня произвела огромное впечатление за счет того, что в ней снимался Тихонов. Хотя я понимаю, что это не так, что уже с этого момента все самое замечательное, что делал Тихонов в кино, было накрепко связано с именем Станислава Иосифовича Ростockого, накрепко связано. И, допустим, такой великий режиссер, как Андрей Тарковский, терпеть не мог эту картину. Он считал (даже когда писал потом об «Ивановом детстве») и говорил: «Более фальшивого, так сказать, фильма с фальшивой образностью я не видел» – и приводил пример: «Там, вот, значит, госпиталь стоит. В госпитале, там, Лариса Лукина лечит, так сказать, раненого Тихонова. А потом немцы наступают, стреляют из пушек, одна стена обваливается, и там идут прямо внутрь госпиталя немецкие танки. Какая фальшь, какая фальшь!» Ну да, с точки зрения Андрея Арсеньевича, действительно фальшь, потому что он внутренне ценил, понимал и принимал другую образную систему. Но существует же так называемая русская наивная живопись, волшебная страница русской живописи, когда сверхсложность жизни сводится к очень простым, практически наивным понятиям, где добро и зло начинают существовать так, как будто они неизбежно даны нам в этих ясных, простых и понятных образах от Господа Бога, один раз и на всю жизнь. И вот эта наивность верности, наивность любви, наивность вот таких бескомпромиссно нежных отношений друг к другу, которые, кстати, и помогли нам выиграть войну. А уж кто вообще, как не Ростockий, знал, что давало жить человеку на войне, что давало ему надежду победить и выжить. Ростockий знал это превосходно. А Тихонов вот эту наивнейшую, казалось бы, на наш уже полуциничный взгляд, на наш, так сказать, вообще взгляд... ладно, любовь-морковь, Господи спаси. Да? Вот Тихонов во все это дело не просто

поверил, – было видно, что он из тех, он из тех... И может быть, самым таким огромным откровением у Тихонова в этой картине, – во всяком случае, которое сражало опять-таки вот всех зрителей, от Тихого океана до Балтийского моря, – все были напрочь сражены тем, когда Тихонов там пел.

Дело было в Пенькове

* * *

Тихонов закончил мастерскую Сергея Аполлинариевича Герасимова, великого русского педагога, особенно грандиозного в своей режиссуре, в его глубочайшем и тончайшем понимании актера. Тихонов каким-то образом вот эту герасимовскую школу абсолютной правдивости актерского существования в мире, не только усвоил, он ее так поразительно сохранил. И когда второй великий выпускник герасимовской мастерской Сергей Федорович Бондарчук, причем нужно сказать, что они не были любимчиками Сергея Аполлинариевича Герасимова, просто как-то он их видел слегка даже боковым зрением все время. И вот потом они из бокового зрения как-то перемещались в центр его интересов. И я бы не сказал, что это доставляло ему такую уж огромную радость, потому что Герасимов, как всякий большой художник, был ревнив и амбициозен. И я сомневаюсь, что он так уж торжествовал по поводу того, что Сергей Федорович Бондарчук – не лучший его ученик – вдруг снимает эту грандиозную, которая поразила воображение людей всего мира, киноэпопею «Война и мир», где роль князя Андрея играет Вячеслав Тихонов. Сложнейшую, противоречивейшую роль, поскольку более противоречивого честного знатока человеческой души, чем Лев Николаевич Толстой, наверное, и не было в русской культуре человека. А из противоречивейших людей, о которых говорил Толстой, может быть, одним из самых противоречивых, из самых сложных персонажей был князь Андрей Болконский.

* * *

И я знаю, какие вообще муки испытывал Сергей Федорович Бондарчук, когда он искал исполнителя на роль Болконского. И самым главным претендентом был Иннокентий Михайлович Смоктуновский, который так и не сыграл эти две грандиозные толстовские роли: Каренина он не мог сыграть по здоровью (у него начинался туберкулез глаз), ему запретили сниматься в кино, и князя Андрея. Конечно, с одной стороны, я – ну огромный такой фанат Иннокентия Михайловича Смоктуновского, но, с другой стороны, я понимаю, как точно поступил Бондарчук, когда взял своего товарища по институту Вячеслава Васильевича Тихонова для исполнения роли князя Андрея. Он очень мучился, Вячеслав Васильевич, очень мучился, когда его утвердили на эту просто, конечно, фантастическую роль. Он страшно переживал по поводу того, сможет ли он с его естественным, простым, настоящим отношением к белому свету, за которое его знали и любили все зрители, сыграть вот эту противоречивейшую фигуру. Ему было необыкновенно трудно, ему было страшно трудно... Но тем не менее в нем жил какой-то, как ни странно, дух студенческого товарищества. Я потом уже знал Вячеслава Васильевича довольно хорошо как самого знаменитого человека в России... Я его знал. И он мог быть очень разборчивым. Он мог очень деликатно, но при этом твердо отказаться от чего угодно. Он не мог отказаться только от одного: когда ребята, с которыми он учился, ему что-нибудь предлагали. Иногда он сомневался, но выбор всегда был в пользу студенческого братства, вгиковского братства. И в общем-то он начал играть князя Андрея в силу вгиковского студенческого братства, в силу абсолютной веры в то, что его приятели по школьной скамье, в данном случае Сергей Федорович Бондарчук, его не подведут. И Сергей Федорович Бондарчук был в невероятно трудных душевных обстоятельствах тогда, когда он снимал «Войну и мир». Он был тем человеком, который вынужден был каждый день контролировать все и отсекал все, что могло нанести вред картине, вред Толстому. Вот это чувство у него было всегда железным. Все, что вредно Толстому, – все нельзя делать. И он ни разу не изменил своему нежному и серьезнейшему отношению к этому восхитительному персонажу.

Война и мир

* * *

И конечно, есть куски в «Войне и мире», грандиозно сыгранные Тихоновым и грандиозно поставленные Бондарчуком, которые абсолютно достойны того, что думал и писал когда-то сам Лев Николаевич Толстой. Это, может быть, самое главное и самое настоящее, что произошло в этой грандиозной, совершенно грандиозной работе.

* * *

Потом была немыслимая, невиданная, нечеловеческая слава. Я как раз познакомился с Вячеславом Васильевичем вот в этот момент его, так сказать, какого-то... Вы знаете, такой славы сейчас нет ни у одного актера. Нет, ни Гоша Куценко, ни Сережа Безруков... Я не знаю, кого еще назвать. Они даже не представляют. Они вообще даже не представляют этого, как вам сказать... Это были не фанаты, это было подлинное, настоящее народное обожание Тихонова. К Тихонову было ужасно родственное отношение, отношение, как к себе самому. Даже не к себе самому – как к любимому члену собственной семьи. То есть это не было: «ох, как он поет, ну как он давал, чика-пака-па-ка-та-чи-ка». Ничего он не давал: ни «чика», ни «пака» – ничего, так сказать, не выводил людей из обычного, так сказать, привычного им способа жизни в этой стране, в этой бедной, всегда бедной стране, в этой всегда несчастной стране. Но тем не менее, играя князя Андрея, он сыграл одного из нас всех, одного из нас всех, которого все в какой-то момент исторической судьбы родины называли князь Андрей.

Война и мир

Война и мир

* * *

Поэтому, когда князь Андрей появлялся на улице, творилось нечто немыслимое. Просто улицы вставали. Вставали автомобили. Слава богу, раньше не было этих «чик-чирик, чик-чирик». «Можно мне с вами сфотографироваться?» – «Можно!» – «А нельзя, так я тебе сейчас этим аппаратом глаз вышибу». Ничего этого не было. Они просто вставали и автографов не просили, ничего. Открывали вот так вот дверцы своих несовершенных советских автомобилей и открыв рот смотрели... Он особенно по улицам не ходил, Тихонов, он знал все это ощущение. Единственное, чего никто не хотел понять, – это сложности его душевной жизни, когда его вот так сканирует огромнейший народ ежесекундно. Это же нужно понять, что происходило с душой этого нормального, обыкновенного, хорошего человека. Но вот он когда куда-то проходил, все тут же останавливались и открыв рот смотрели, потому что они видели, как по улице идет он в образе князя Андрея.

Война и мир

Война и мир

* * *

Вообще, Тихонов был еще абсолютно необыкновенен в своей душевной организации, абсолютно необыкновенен. То есть я, например, всегда, когда говорю слово «аристократ», сначала представляю себе какую-нибудь английскую хреновину такую с бульдожкой, что-то там такое неясное с бульдожкой, а потом эту хреновину я стараюсь вытрясти из головы. И тогда в памяти, в душе и в сердце встает образ единственного подлинного аристократа, которого я видел в своей жизни и имел счастье с ним дружить. Это Вячеслав Васильевич Тихонов. И я знал, как и все остальные, я знал, что аристократов вообще выпускают в Кембридже, в Йеле, еще там где-то, я не знаю, где еще... Но на самом-то деле я-то прекрасно знал, что самая выдающаяся школа аристократизма, так уж получилось по жизни, она себя так не, как теперь говорят похабно, себя позиционировала. Она себя так не позиционировала. А было нормальное ремесленное училище в городе Сергиев Посад, откуда Тихонов был родом. И это ремесленное училище, куда попадали дети из в общем-то неблагополучных семей с тем, чтобы стать работягами, а никакими не князьями Андрееми и не аристократами духа. Просто работягами пойти на фабрику и ишачить на эту советскую власть. Хотел сказать – поганую... Но, говоря о Вячеславе Васильевиче, не стану так говорить, потому что он никогда ее не считал поганой. Ну, на эту советскую власть ишачить, так сказать, до момента смерти. Так вот, оказывается, эта ремеслуха в Сергиевом Посаде стала тем общественным институтом, который выпустил в мир подлинного, безупречного, настоящего аристократа – Вячеслава Васильевича Тихонова.

* * *

Это проявлялось во всем. Это проявлялось в манере говорить, это проявлялось в манере носить одежду, это проявлялось прежде всего в манере общения с миром, с белым светом, когда в каждом он ощущал достойного и подлинного собеседника. Ему вообще был не просто несвойственен – неведом никакой цинизм. Вообще никакой цинизм. Он не понимал, как можно цинично вести себя со своими собственными собеседниками. А своими собеседниками он ощущал весь Советский Союз, это все были его собеседники...

* * *

Кстати, я помню одну дико смешную вещь, которую обязательно хочу рассказать. Я однажды снимал картину в Казахстане. И в Казахстане, значит, вечером в номере было совершенно нечего делать. Пить водку уже было невозможно, почему-то смеркалось рано, и я в ужасе сидел и смотрел по телевизору картину «Семнадцать мгновений весны», любовно дублированную на казахский язык нашими казахскими коллегами. И я вдруг увидел Вячеслава Васильевича Тихонова, который с абсолютной такой свободой говорит: «Калаберды, малберды, Мюллер, калаберды, малберды, гур-гур-гур-гур, Мюллер». «Алберды, Штирлиц, – говорил Мюллер. – Алберды, ну-ка, останьтесь». Это была песня. Настоящая песня! Но опять-таки в этой дико смешной нелепой песне, да, как ни странно, проглядывало то самое изначальное уважение Тихонова к своей родине. А его родиной был и Казахстан, его родиной была и Туркмения, и Армения... Все ее люди, жившие в нашем Советском Союзе, не то что знали, они точно так же, как и в России, считали его самым красивым, самым благородным, самым удачливым членом их собственной семьи. Вот такое исключительное актерское чудо.

Майские звезды

* * *

Это в общем-то отдельный разговор о фильме «Семнадцать мгновений весны». Но он будет дальше. А в 68 году я пришел на киностудию «Мосфильм». Пришел, как будто меня там кто-то ждал. И охранники вместо того, чтобы спросить: «Ты кто такой?» – говорили: «Проходите, пожалуйста, проходите, пожалуйста». Я этого «проходите, пожалуйста» ждал четыре года, никто меня туда не пускал, на киностудию «Мосфильм», нипочем, пока я случайно не встретил на улице моего учителя Михаила Ильича Ромма, который тоже, как и Тихонов, по улицам не ходил. Это была абсолютно счастливейшая встреча. Потому что он вылез из машины с тем, чтобы подойти к табачному киоску и купить себе тогда только вышедшие первые сигареты с фильтром «Краснопресненские». Это был такой шик, когда Ромм брал пачку, доставал сигарету, а на сигарете была какая-то немыслимая для нас какая-то фигня – фильтр, и он курил ее с фильтром. Вот он вышел из машины купить сигареты с фильтром и по пути встретил меня. Спросил. А прошло уже четыре года, как я ушел из института. Не учился уже. Он: «Как у тебя дела? Как у тебя жизнь?» И тут я как-то осмелился. Конечно, я бы никогда в нормальной жизни не осмелился бы сказать ничего, кроме «хорошо, спасибо, хорошо, нормально». Как мы обычно отвечаем друг другу, имея в виду совершенно что-то другое. А тут я как-то был уже доведен до такой степени отчаяния, что сказал: «Михаил Ильич, что-то чудовищно у меня складывается жизнь». «Почему?» – спросил он у меня. Я говорю: «Вот. Меня как-то никуда не пускают. Абсолютно не хотят воспользоваться результатами вашего обучения. Ни у кого нет ни малейшего желания воспользоваться результатами обучения». – «А где же ты?» Я говорю: «Нигде. Вот на улице. Просто на улице. Ну снимаю там какую-то квартиру за какие-то деньги. Вообще непонятно на что».

Он говорит: «Да это все бред собачий. Ну-ка давай, завтра приходи на “Мосфильм”». Потом подумал, говорит: «Ко мне нельзя в объединение... У меня там трудные дела. Стучат». Я говорю: «Почему стучат? На кого стучат?» – «На меня стучат. Трудные дела. А вот я тебе посоветую пойти к одному благороднейшему, великолепнейшему, нежнейшему человеку, которого зовут Лев Оскарович Арнштам».

Майские звезды

* * *

Вот так я пришел во Второе творческое объединение. И конечно, я еще надеюсь, будет какая-то возможность рассказать вам о действительно благороднейшем, выдающемся, великолепнейшем человеке и режиссере Льве Оскаровиче Арнштаме. И кроме всего прочего, он еще был первым и настоящим в моей жизни продюсером, которого я видел. А тогда он был художественным руководителем Второго творческого объединения, куда я пришел. Я пришел, там был Лев Оскарович Арнштам, главный редактор Борис Григорьевич Кремнев, которые встретили меня, с одной стороны, с каким-то интересом, потому что им Ромм позвонил. А с другой стороны, они были очень такими на тот момент замученными обстоятельствами людьми. У них чего-то не получалось с годовым планом выпуска картин. И когда они увидели меня (а я принес толстый сценарий, который я хотел бы там снять), они мне сказали: «Ладно, ладно, обожди. Сейчас у нас другая ситуация. Сними-ка что-нибудь по Чехову». Я говорю: «Как снять Чехова?» – «Ну вот сними что-нибудь по Чехову. Быстренько посмотри собрание сочинений и что-нибудь вот такое простое сними». Я говорю: «Ну хорошо, я почи-таю Чехова». Причем когда четыре года ты был никому не нужен, а потом тебе говорят: быстренько сними Чехова. А-а-а-а... И в состоянии «А-а-а-а...» я пришел домой. И вечером

позвонил Арнштам и сказал: «Давай завтра, нам нужно завтра». Я говорю: «Как завтра?» – «Завтра принять решение нужно». И я, значит, пролистывая Чехова, нарвался на его этот самый рассказ «От нечего делать», с которого началась моя творческая жизнь и в общем-то который принес мне такое количество необыкновенно важных жизненных встреч. А было все сделано там за два часа... За каких-то два часа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.